

Розовый чулок

Пасмурный, дождливый день. Небо надолго заволокло тучами, и дождю конца не предвидится. На дворе слякоть, лужи, мокрые галки, а в комнатах сумерки и такой холод, что хоть печи топи.

Иван Петрович Сомов шагает по своему кабинету из угла в угол и ворчит на погоду. Дождевые слезы на окнах и комнатные сумерки нагоняют на него тоску. Ему невыносимо скучно, а убить время нечем... Газет еще не привозили, на охоту идти нет возможности, обедать еще не скоро...

В кабинете Сомов не один. За его письменным столом сидит m-те Сомова, маленькая, хорошенькая дамочка в легкой блузе и в розовых чулочках. Она усердно строчит письмо. Проходя мимо нее, шагающий Иван Петрович всякий раз засматривает через ее плечо на писанье. Он видит крупные хромающие буквы, узкие и тощие, с невозможными хвостами и закорючками. Клякс, помарок и следов от пальцев многое множество. Переносов m-те Сомова не любит, и каждая строка ее, дойдя до края листка, со страшными корчами, водопадом падает вниз...

Лидочка, кому это ты так много пишешь? спрашивает Сомов, видя, как его жена начинает строчить по шестому листку.

К сестре Варе...

Гм... длинно! Дай-ка скуки ради почитать!

Возьми, читай, только тут ничего нет интересного...

Сомов берет исписанные листки и, продолжая шагать, принимается за чтение.

Лидочка облокачивается о спинку кресла и следит за выражением его лица.

После первой же странички лицо его вытягивается и выражает что-то похожее на оторопь... На третьей страничке Сомов морщится и медленно чешет затылок. На четвертой он останавливается, пугливо взглядывает на жену и задумывается. Немного подумав, он со вздохом опять принимается за чтение... Лицо его выражает недоумение и даже испуг...

Нет, это невозможно! бормочет он, кончив чтение и швыряя листки на стол. Решительно невозможно!

Что такое? пугается Лидочка.

Что такое! Исписала шесть страничек, потратила на писанье битых два часа и... и хоть бы тебе что! Хоть бы одна мыслишка! Читаешь-читаешь, и какое-то затмение находит, словно на чайных ящиках китайскую тарабарщину разбираешь! Уф!

Да, это правда, Ваня... говорит Лидочка, краснея. Я небрежно писала...

Кой чёрт небрежно? В небрежном письме смысл и лад есть, есть содержание,

а у тебя... извини, даже названия подобрать не могу! Сплошная белиберда! Слова и фразы, а содержания ни малейшего. Всё твоё письмо похоже точь-в-точь на разговор двух мальчишек: А у нас блины ноне! А к нам солдат пришел! Мочалу жуешь! Тянешь, повторяешься... Мысленки прыгают, как черти в решете: не разберешь, где что начинается, где что кончается... Ну, можно ли так?

Если б я со вниманием писала, оправдывается Лидочка, тогда бы не было ошибок...

Ах, об ошибках я уж не говорю! Кричит бедная грамматика! Что ни строчка, то личное для нее оскорбление! Ни запятых, ни точек, а ять... бррр! Земля пишется не через ять, а через е! А почерк? Это не почерк, а отчаяние! Не шутя говорю, Лида... Меня и изумило и поразило это твоё письмо... Ты не сердись, голубчик, но я, ей-богу, не думал, что в грамматике ты такая сапожница... А между тем ты по своему положению принадлежишь к образованному, интеллигентному кругу, ты жена университетского человека, дочь генерала! Послушай, ты училась где-нибудь?

А как же? Я в пансионе фон Мебке кончила...

Сомов пожимает плечами и, вздохнув, продолжает шагать. Лидочка, сознавая свое невежество и стыдясь, тоже вздыхает и потупляет глазки... Минут десять проходит в молчании...

Послушай, Лидочка, ведь это, в сущности, ужасно! говорит Сомов, вдруг останавливаясь перед женой и с ужасом глядя на её лицо. Ведь ты мать... понимаешь? мать! Как же ты будешь детей учить, если сама ничего не знаешь? Мозг у тебя хороший, но что толку в нем, если он не усвоил себе даже элементарных знаний? Ну, плевать на знания... знания дети и в школе получают, но ведь ты и по части морали хромаешь! Ты ведь иногда такое ляпнешь, что уши вянут!

Сомов опять пожимает плечами, запахивается в полы халата и продолжает шагать... Ему и досадно, и обидно, и в то же время жаль Лидочку, которая не протестует, а только глазами моргает... Обоим тяжело и горько... Оба и не замечают за горем, как бежит время и приближается час обеда...

Сядь обедать, Сомов, любящий поесть вкусно и покойно, выпивает большую рюмку водки и начинает разговор на другую тему. Лидочка слушает его, поддакивает, но вдруг во время супа глаза её наливаются слезами, и она начинает хныкать.

Это мать виновата! говорит она, вытирая слезы салфеткой. Все советовали ей отдать меня в гимназию, а из гимназии я наверное бы пошла на курсы!

На курсы... в гимназию... бормочет Сомов. Это уж крайности, матушка! Что хорошего быть синим чулком? Синий чулок... чёрт знает что! Не женщина и не мужчина, а так, середка на половине, ни то ни сё... Ненавижу синих

чулков! Никогда бы не женился на ученой...

Тебя не разберешь... говорит Лидочка. Сердишься, что я неученая, и в то же время ненавидишь ученых; обижаешься, что у меня мыслей нет в письме, а сам против того, чтоб я училась...

Ты к фразе придираешься, милочка, зевает Сомов, наливая себе от скуки вторую рюмку...

Под влиянием выпитой водки и сытного обеда Сомов становится веселей, добрей и мягче... Он глядит, как его хорошенькая жена с озабоченным лицом prepares салат, и на него набегает порыв женолюбия, снисходительности, всепрощения...

Напрасно я ее, бедняжку, обескуражил сегодня... думает он. Зачем я наговорил ей столько жалких слов? Она, правда, глупенькая у меня, нецивилизованная, узенькая, но... ведь медаль имеет две стороны и *audiat et altera pars*...¹ Быть может, тысячу раз правы те, которые говорят, что женское недомыслие зиждется на призвании женском... Призвана она, положим, мужа любить, детей родить и салат резать, так на кой чёрт ей знания? Конечно! Вспоминается ему при этом, как умные женщины вообще тяжелы, как они требовательны, строги и неуступчивы, и как, напротив, легко жить с глупенькой Лидочкой, которая ни во что не суется, многого не понимает и не лезет с критикой. С Лидочкой и покойно и не рискуешь нарваться на контроль...

Бог с ними, с этими умными и учеными женщинами! С простенькими лучше и спокойнее живется, думает он, принимая от Лидочки тарелку с цыпленком...

Вспоминает он, что у цивилизованного мужчины является иногда желание поболтать и поделиться мыслями с умной и ученой женщиной...

Что ж? думает Сомов. Захочется поболтать об умном, пойду к Наталье Андреевне... или к Марье Францевне... Очень просто! да будет выслушана и другая сторона... (лат.).